

А. И. ДУДЕНКОВА

ПОЭМА А. ДУБРОВСКОГО «НА ОСЛЕПЛЕНИЕ СТРАСТЯМИ»

В августовском номере журнала «Ежемесячные сочинения» за 1755 год была напечатана поэма «На ослепление страстями», автор которой подписался буквами А. Д. Как установил П. П. Пекарский, за этой подписью скрывался один из учеников Ломоносова по Академическому университету, поэт и переводчик *Адриан Дубровский*.

Поэма «На ослепление страстями» никогда не привлекала внимания историков литературы XVIII века своим содержанием и особенностями художественной формы, а между тем это произведение является интереснейшим фактом литературно-общественной борьбы тех лет. Полемическая поэма Дубровского расширяет наши представления о литературно-общественной атмосфере, в которой рождался ломоносовский «Разговор с Анакреоном».

Как известно, 1750-е годы в русской литературе ознаменованы острой литературной борьбой, в процессе которой произошло окончательное размежевание ломоносовского и сумароковского литературных направлений. Полемика на страницах академического журнала «Ежемесячные сочинения», в которой принял участие А. Дубровский своей поэмой «На ослепление страстями», продолжала литературные споры прежних лет по вопросам содержания и формы поэзии. Вместе с тем в период борьбы, отраженной на страницах «Ежемесячных сочинений», общественная жизнь выдвинула ряд новых вопросов, решением которых углублялись философские и эстетические расхождения двух лагерей тогдашней литературы.

Одной из причин, обострявших полемические столкновения литературных группировок, было распространение в дворянской среде масонских идей, признание масонских умонастроений в творчество поэтов-сумароковцев.

В поэзии Сумарокова масонство нашло отражение в серии од нравственно-философского содержания, созданных в 50-е годы. В них поэт, сожалея о золотом веке человечества, развивал мотивы смерти, бренности мира, тщетности всех устремлений человека. Высший стимул добродетели в этой этической концепции — неизбежная смерть, кратковременность жизни. В этом направлении творчества Сумароков был не одинок. Он выступал в роли вождя целой плеяды поэтов (молодой Херасков, братья Нарышкины, А. Ржевский и др.). Кроме произведений с философско-масонской тематикой для лирики поэтов-сумароковцев в те годы характерно увлечение так называемой анакреонтикой, резкий отказ от гражданской тематики.

Поэзия сумароковцев на страницах «Ежемесячных сочинений» за 1755 год показывает совершенно определенную установку поэтов этого лагеря на масонскую и любовно-пасторальную тематику. Особенно ярко это проявилось в творчестве М. М. Хераскова, произведения которого количественно составляют самую значительную часть отдела поэзии журнала.

Вступив в литературу в период самоопределения и активной борьбы с литературными противниками сумароковской школы, Херасков следует ее литературной программе. Он обращается к жанрам камерной поэзии, в его раннем творчестве, полнее даже чем у Сумарокова, развиваются масонско-философские мотивы.

В той же книге «Ежемесячных сочинений», где была помещена поэма Дубровского, Херасков опубликовал ряд стихотворений: «Оду к господину В***», «Оду Анакреонтову», сонет, эпитафию. В них рисовался идеал человека созерцательного, пассивного, ушедшего в свой мир. Второй важной темой поэзии Хераскова была тема смерти, что явно противоречило традиционному содержанию жанра анакреонтической оды, посвященной главным образом воспеванию радостей любви и наслаждения жизнью.

Правда, и в поэзии Анакреона были мотивы смерти, но греческий поэт не ставил своей целью устрашать ими читателя; мысль о смерти у него — всегда стимул к наслаждениям и радости. У Хераскова же мы находим иное.

Мистически-масонская идейная направленность и в связи с этим своеобразное преломление анакреонтики со всею полнотою раскрываются в «Оде Анакреонтовой». Здесь неумолимый рок в образе смерти с косой, которую ничто не может отвлечь, занимает центральное место:

Но есть ли смерть косу возносит,
Когда она к нему придет,
Ни злата, ни серебра не просит,
Едину душу извлечет.

* *
*

Не могут младость с красотою
Ея свирепость утолить;
Не можно ни ценой драгою
У оной жизни откупить.¹

Образная структура оды, как вообще произведений этого типа не только Хераскова, но и других поэтов-сумароковцев, зиждется на противопоставлении «приятств» жизни, природы и могильного хлада, причем «приятства» жизни выдерживаются в духе следования Анакреону: любовь, веселье, внутреннее спокойствие.

Характерно также третье произведение Хераскова в том же августовском номере «Ежемесячных сочинений» — «Сонет и эпитафия». В сонете бездомный странник рассказывает свою историю:

Я век свой по свету за пищею скитался,
Пристанища себе нигде я не имел;
Везде я странствовал, жил тамо, где хотел,
Чужим я был одет, чужим я и питался.

¹ «Ежемесячные сочинения», 1755, август, стр. 165.

В общем, жизнь этого человека — мало завидная участь бедности, бездомности, но тем не менее и такая жизнь, утверждает поэт, лучше смерти, поэтому человек должен благословлять любой жизненный удел:

Как жизнь та ни гнусна, но я об ней жалею,
Я небом был покрыт, а днесь покрыт землею,
Мой дом был целый свет, а ныне тесный гроб.²

Таким образом, страх смерти заставляет поэта осознать, так сказать, биологическую ценность бытия вообще, ведет к признанию равноценности жизни — и плохой, и хорошей, свободной и угнетенной, так как любое из этих состояний все же лучше «могильного холода». Человек должен быть доволен любой участью.

Подобная философия не является своеобразным отличием творчества одного только Хераскова, она характерна для масонской поэзии как раннего, так и позднего периода, а также для чувствительно-меланхолической поэзии сентиментализма последующих десятилетий.

На страницах «Ежемесячных сочинений» эти настроения окрашивают поэзию всех сторонников Сумарокова. Они проникают и в прозаические статьи журнала. Так, в статье Ф. А. Полунина «Размышление о бессмертии души» красной нитью проходит мысль о временности человеческого бытия на земле, о необходимости готовиться ко вступлению в загробный мир: «... теперешнее наше состояние есть основательное начертание будущего. Нам на сем свете жить для того определено, чтоб мы приготовились к другому, и жилище сей земли дано нам как увеселительное место, на котором дух наш препровождает младенчество».³

Таким образом, масонские искания настойчиво проявлялись в разработке мотивов смерти и бессмертия, религиозно-мистического толкования этических проблем. Философская реакция становится отличительной чертой мышления дворянских поэтов, связанных с масонством, и это проявляется со всей отчетливостью в период полемики в «Ежемесячных сочинениях». На основании этого можно утверждать, что уже в 1750-е годы намечается та смена общественных интересов, которая характерна для сознания следующей литературной эпохи XVIII века — сентиментализма.

Ломоносов и его сторонники Н. Н. Поповский и А. Л. Дубровский резко противостояли подобным умнастроениям дворянской поэзии.

Хотя эта линия полемики проявлялась не так открыто, как в столкновениях по другим вопросам, тем не менее она представляет важное звено в единой цепи литературно-общественной борьбы той поры.

Материалистические устремления ломоносовской философии, которыми проникнута его научно-дидактическая поэзия, были в корне противоположны дворянской поэзии своим пониманием проблемы человеческой личности, смысла жизни человека, этических основ его общественного бытия. Ученик Ломоносова, А. Л. Дубровский в своей поэме «На ослепление страстями» по всем этим вопросам выступил против дворянской поэзии.

По жанру поэма Дубровского принадлежит к дидактической поэзии. Этот жанр, как известно, получил новое назначение в творчестве Ломоносова в таких произведениях, как «Письмо о пользе стекла», как оды «Утреннее и вечернее размышление о божием величестве» и другие, где основная цель заключается не в моральном поучении, а в пропаганде передовых естественно-научных воззрений.

² Там же.

³ Там же, ноябрь, стр. 446. Статья представляет перевод из журнала «Der Pilgrim», издававшегося в Кенигсберге в 1742—1744 годах.

В поэме «На ослепление страстями» Дубровский следует за идейными мотивами Ломоносова и одновременно использует художественные приемы своего учителя, утверждая тем самым поэтику Ломоносова и защищая ее от ожесточенных нападок литературных противников из сумароковского лагеря. Все это придает трактовке моральной темы у Дубровского иную, чем у дворянских поэтов, идейно-художественное выражение, полемически обращенное против них.

Поэма Дубровского, прежде всего, — гимн человеческому разуму и сознанию, проникнутый глубоким восхищением перед всемогуществом человеческого труда. Уже в самом начале поэт вступает в полемику с теми, кто видит высшее блаженство в спокойном неведении:

Планеты, звезды, ветер, огонь, земля и воды
В погибели своей не чувствуют вреда,
Не знают ни о чем заботы и труда.
Не скажет кто, что тем пред нами и блаженны,
Что безмятежно путь хранят определенный —
Пусть говорит, когда и сам подобен им.⁴

Последовательно развивая взгляды Ломоносова, Дубровский утверждает в своей поэме безмерное превосходство человека в природе как существа мыслящего. Человек, по мнению поэта, отличается от остального, «как свет от глубочайшей тьмы». Человеку даны в удел громадные силы; в исчислении великих возможностей человека поэт повторяет мысли и образы ломоносовской естественно-научной поэзии:

Мы там корысть берем, где горы вечных льдов,
Глубоко входим мы в объятия земные,
Находим там себе сокровища драгие,
Мы меряем без мер верхи высоких гор,
Мы больше во сто крат усугубляем взор.⁵

Второй и третий стихи в этом отрывке представляют почти прямое повторение ломоносовского обращения к химии в оде 1750 года:

В земное недро ты, химия,
Проникни взора остротой,
И, что содержит в нем Россия
Драги сокровища — открой.⁶

Следует описание различных оптических приспособлений, с помощью которых в сотни раз увеличивается острота человеческого глаза, концентрируются солнечные лучи, добывается огонь; оно снова обращает нас к одному из произведений Ломоносова — «Письму о пользе стекла». Там тема применения стекла для целей науки является одной из основных. О том, что произведение Ломоносова было действительно источником

⁴ Там же, август, стр. 127.

⁵ Там же, стр. 127—128.

⁶ Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями акад. М. И. Сухомлинова, т. I, СПб., 1891, стр. 219.

Дубровского, говорит наличие прямых реминисценций. Таковы, например, описание неба, которое открывается человеческому взору с помощью увеличительных стекол и научной абстракции, постижение устройства и хода эветил, мысль о множестве миров:

То место, где земле простой взор назначает;
Светилу разум наш земли определяет,
Хоть солнце нам одно мечтается в глазах;
Однако их нельзя и счесть на небесах.⁷

Строка же

Не знаем их числа, и бездне той конца

бесспорно отражение проблематики и лексики «Вечернего размышления о божием величестве».

Таково вступление поэмы Дубровского, подготавливающее постановку моральных вопросов о заблуждении людей и об ослеплении их различными страстями. Такой переход очень логичен, так как во вступлении поэт показал, что же является для него стимулом высоких нравственных достоинств. Если у масонов — это страх смерти, трепет перед таинствами загробной жизни, то здесь таким стимулом является высокое предопределение человека от природы, его разум, возвышающий его над окружающим миром. Не страх смерти, а полезная деятельность должна удерживать царя природы от порочных страстей.

Какие же пороки осуждает Дубровский?

Прежде всего — алчность, стяжательство; и в осуждении их поэт следует за своим учителем, не устававшим клеймить в разных формулировках «несытую алчбу имения и власти».

Однако не этот порок привлекает основное внимание поэта, а слепая любовная страсть. Именно здесь начинается полемика с дворянской анакреонтикой. На фоне любовной поэзии, печатавшейся на страницах того же журнала, трактовка темы любви у Дубровского звучала в высшей степени целенаправленно и полемично.

Для поэтов, творивших в области легкой поэзии, всепобеждающая любовная страсть была синонимом природы, естества, выражением сущности человека. Расцвет любовного жанра в поэзии 50-х годов, появление анакреонтики в творчестве дворянских поэтов, — всё это свидетельствовало о сознательном противопоставлении любовной темы общественной теме.

Дубровский выдвигает свой критерий и утверждает, что не всякая любовная страсть похвальна и достойна воспевания. Поэта интересуют границы, в пределах которых человек свободен от рабства собственной страсти и остается на высоком пьедестале могучего разума, общественной и научной деятельности. Он высмеивает людей, посвящающих всю свою жизнь одной только любви и, кроме нее, не видящих иного смысла существования.

Идеал поэта — человек, сочетающий разум, полезную деятельность с благородными чувствами. Односторонность уродует человека, унижает его природу, особенно, когда он, забыв о талантах (т. е. о науке, знании, в которых проявляется его высшая деятельность), ослепляется страстями. Такое разумное сочетание полезной деятельности и благородных чувств выражало подлинно ломоносовский гуманизм с его высоким уважением

⁷ «Ежемесячные сочинения», 1755, август, стр. 129.

к человеческому уму, к мудрому человеческому труду, созидающему все ценности, и, вместе с тем, с признанием прав человека на «нежность сердечную».

В конце поэмы Дубровский, перечислив разные пороки, ссылается на Сократа, как на пример преодоления человеком своих слабостей в неустанном труде:

Не выше смертных сил то должно почитаться,
 Всё неусыпный труд возможет победить;
 И Сократов пример нас может научить.

Таким образом, содержание поэмы отчетливо делится на две части: первую — введение, в котором поэт раскрывает свои идейные позиции, чтобы на основании их критиковать человеческие пороки, и вторую — представляющую конкретный показ различных недостойных человека страстей. В соответствии с этим стилистически-художественное выражение в обеих частях поэмы не одинаково. Первая часть, исполненная пафоса прославления науки и человеческого разума, выдержана в тонах ломоносовской научной поэзии. Дубровский переносит в свой поэтический контекст отдельные образные построения Ломоносова. Грандиозность вселенной, постигаемая человеческой мудростью, вызывает патетические восклицания поэта:

О коль находим там строение прекрасно!
 Горящих там светил коль множество ужасно!
 Мы измеряем их подробно высоту,
 Определяем их великость, широту,
 Мы наблюдаем путь и место осторожно,
 Предсказываем их затмения неложно.⁸

В заключительной части поэмы, где поэт снова утверждает высокие моральные идеалы в духе ломоносовской философии, торжественные образы повторяются. В соответствии с поэтикой Ломоносова Дубровский прибегает здесь к развернутым, красочным метафорам. Так, нравственную стойкость и мудрость Сократа он сравнивает с могучим дубом, простирающим свои ветви высоко в небо, с утесом среди бурных вод, который «удары их и шум, смеясь, ни во что чит».

Следовательно, Дубровский в поэме «На ослепление страстями» не только поддерживал идейные устремления ломоносовской поэзии, но и одновременно сознательно защищал те художественные принципы Ломоносова, против которых выступали поэты-сумароковцы.

Дубровский высмеивает поэтику своих противников, умело используя фразеологию любовных жанров, героя их он изображает пустым бездельником, посвятившим жизнь «страсти нежной»:

Всечасно он твердит: Любовь! любовь! любовь!
 Ты сердце мне зажгла и вспламенила кровь.
 Художеств и наук чтит труд за бесполезной,
 Всю мудрость в том кладет, чтоб угодить любезной.

⁸ Там же, стр. 129.

Прямой выпад против «воспевателей любовной страсти» можно найти в таких стихах поэмы, вложенных в уста влюбленного:

Он страсти придает божественный титул,
Нельзя, он говорит, как Купидон стрельной,
Противиться огню и внутреннему жару,
С часами вдруг растет болезнь сего удару.⁹

Здесь поэт пародирует распространенную тогда любовную лексику модных дворянских песен с их неизменными поэтическими шаблонами, такими, как образ Купидона со стрелой, жар страсти и т. п. Не исключена возможность также, что Дубровский имел в виду статью Г. Н. Теплова, где всемогущество и непобедимость любовной страсти доказывалось так: «... прочие склонности воспитанием строгим одолеть можно, а сия по крови бываемая делает человека невольником своим. Она родила любовные мысли, она произвела любовные речи, которые, когда соединялися с голосным лением, произвели падение слов и для лучшей приметы кончающегося разума, или паче музыкального тону, рифмы».¹⁰ Дубровский же утверждает, что человеку дано от природы быть господином своих страстей.

Еще одна особенность в поэме Дубровского настойчиво включает ее в круг полемических произведений, доказывая, что автор сознательно стоял на ломоносовской литературной позиции, — это вопрос о характере сатиры.

Еще раньше, в самом начале литературной борьбы между ломоносовским и сумароковским лагерями, во время споров вокруг «Сатиры на пети-метров и кокеток» И. П. Елагина, появилось произведение, принадлежащее неизвестному стороннику Ломоносова «Ответ на эпистолу И. Е.». В этом «Ответе» была дана программа общественно значимой и содержательной сатиры. Автором произведения, как мы предполагаем, был Дубровский. Главное доказательство в пользу этого предположения — внутреннее соответствие критической части поэмы «На ослепление страстями» с требованиями «Ответа». Там автор обвинял Елагина в отсутствии положительного идеала, во имя которого ведется критика, в ничтожности высмеянных пороков:

Не чаю, чтоб Боал о лентах рассуждал,
Важнее есть пороки, кои он осуждал...
Но наш сатирик слабей нам только описал,
Как, в зеркало глядясь, кто мушку налепляет,
Он все оставя страсти, лишь щеголя ругает.¹¹

Поэма же Дубровского и начинается с утверждения высокого природного назначения человека, поэтому осмеяние порочных страстей в поэме становится целенаправленным и действенным.

Следя программе обличения важных пороков, намеченной в «Ответе», Дубровский в своей поэме сильнее всего бичует лесть, угодничество, которыми заслуживается милость всемогущих, т. е. обращается к социально-значимым вопросам русской действительности. Поэт показывает этот порок как неизбежное следствие сословного общества, где происхождение и род-

⁹ Там же, август, стр. 132.

¹⁰ Там же, июль, стр. 11.

¹¹ «Библиографические записки», 1859, № 15, стр. 460.

витость ценятся превыше всего. Так, например, касается Дубровский проблемы петиметрства, составлявшей, как известно, основную часть содержания «Сатиры на петиметров и кокеток» Елагина. В отличие от Елагина, Дубровский решает этот вопрос в совершенно ином плане, соглашаясь опять-таки с требованиями «Ответа». У него петиметр не просто глупый франт, как у Елагина, а человек, пренебрегающий общественным долгом, науками ради любви. Дополнение его характеристики, взятое из лексикона любовной поэзии сумароковской школы, обращает эту сатирическую зарисовку против дворянского лагеря. Таким образом, в поэме «На ослепление страстями» наряду с новой проблематикой отразились и вопросы предшествующих полемических столкновений.

Поэма Дубровского «На ослепление страстями» — замечательный образец борьбы ломоносовского лагеря с дворянским, она показывает их непримиримые расхождения. Философский оптимизм, вера в могущество человека резко отличают поэму от дворянской поэзии того времени. Утверждению антиобщественной сущности человека, учению о нравственности, связанному с представлением о смерти, ученик Ломоносова противопоставляет идеал земной деятельности человека, индивидуалистическому чувству — разум, способный постигать тайны природы. Такой идеал закономерно вытекал из активного просветительства Ломоносова.

Выступление Дубровского показывает, что ломоносовский кружок в пору утверждения в поэзии враждебных ему морально-философских течений активно боролся с ними, защищая передовые философские и литературные взгляды.